

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. Г. СТОЙКО

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ РОССИИ В РАЗВИТИИ

Учебное пособие

Красноярск 1997

ББК 67.628.0

С 37

Рецензенты: кафедра *уголовного процесса*. КВШ МВД РФ;
зав. кафедрой уголовного права и процесса КрасГАУ
А. С Барабаш

Редактор И. А. Вейсиг

Корректор Л. А. Панова

Стойко Н. Г.

С 37 Уголовная юстиция России в развитии; Учеб. пособие для юридических вузов / Краснояр. гос. ун-т; Красноярск, 1997, 37 с.

Настоящее пособие посвящено судебной-правовой реформе в Российской Федерации и включает в себя характеристику её основных этапов, анализ причин и перспектив реформирования органов уголовной юстиции.

Предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, работников судов и других правоохранительных органов.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. Уголовная юстиция России: от советской эпохи к перестройке.	4
Уголовная юстиция России: основные причины и пути реформирования (советский период перестройки)	10
Уголовная юстиция России и необходимость в социально-ориентированных реформах (постсоветский период): постановка проблемы	18
Уголовная юстиция России: личностно ориентированная модель и выход из кризиса	24
Вместо послесловия. Уголовная юстиция России: план реформирования в контексте социальной работы	32

1. Вместо предисловия.. Уголовная юстиция России: от советской эпохи к перестройке

Печально, но факт: время перестраивать общество - время совершать преступления. Ежегодно в стране от преступлений гибнут тысячи людей, десятки тысяч получают ранения и увечья, сотни тысяч страдают от краж, разбоев, грабежей, вымогательств.

Общая причина - положения известна: социально-экономический кризис. Уже к началу перестройки кризис в экономике, политике, идеологии тогда еще советского государства был настолько очевиден, что его невозможно было ни отрицать, ни камуфлировать. Экономика, построенная на принципе "Давай, давай, потом посмотрим!", не могла не развалиться. Политика, основанная на культе власти, не могла не вылиться в насилие над личностью, не привести к моральному разложению одних и социальной апатии других, идеологическая формула "Единый народ - единое государство - единая собственность" не могла не вызвать авторитаризм в социальном устройстве и карикатурные формы отношений между людьми. Однако ясно, что парализованный страхом народ не может эффективно работать, а обожествившая сама себя власть - эффективно управлять.

Естественно, что в сложившейся ситуации серьезным деформациям подверглись и органы уголовной юстиции (суд, прокуратура, органы дознания и предварительного следствия), где преобладание догматических схем в правовой идеологии и изоляция от жизни некоторых базовых принципов и теоретических построений сочетались с правовым негативизмом и низким уровнем правопонимания среди юристов, отсутствие четкого разделения процессуальных властей - с почти полной зависимостью личности от произвола должностных лиц и с бюрократизацией правоохранительных учреждений и служащих.

В числе конкретных причин, обусловивших такие деформации, могут быть названы: правовое закрепление приоритета государственных интересов над личными и установление однопартийной политической системы; отсутствие разделения судебной власти и законодательной

и исполнительной; использование государством уголовной репрессии для решения экономических задач; преобладание насильственных методов борьбы с преступностью.

Как зарождался кризис уголовной юстиции? Нельзя забывать, что советское правосудие формировалось в костре гражданской войны. А горел он огнем классовой ненависти, ярко вспыхнувшей на фронтах первой мировой войны. И надо сказать, что для этого были вполне реальные экономические, да и просто человеческие основания. Неудовлетворенные требования крестьян о земле, рабочих - об улучшении условий труда и заработной плате на фоне общего падения уровня жизни обостряли социальную напряженность, усиливали в народе ощущение несправедливости такого положения, при котором одни люди живут лучше, а другие намного хуже. В условиях почти полного паралича царской власти и при наличии огромной армии озлобленных войной солдат, толпами дезертировавших со всех фронтов, ощущение несправедливости легко переходило в ненависть, а ненависть выливалась в насилие. Поджоги, погромы, захват земель, сопровождавшиеся порой открытым грабежом имущества, не были такой уж большой редкостью до Октября 1917 года. Кто подбросил дровишек в костер? Большевики, пришедшие к власти в результате Октябрьской революции? Вряд ли стоит обвинять во всех смертных грехах большевиков образца 1917 года, заблуждения которых (теоретические и практические) столь очевидны с высоты более чем семидесятилетней советской истории. Однако ясно одно: новая власть возникла не только на благородных идеалах и популярных лозунгах, но и на классовой ненависти тоже. Понятно и другое: уже в период своего становления советская власть была подчинена закону классовой ненависти, воплотившемуся в институтах диктатуры пролетариата, как это и раньше *случалось* в истории, Октябрьская революция породила демона, пожравшего позднее ее самое. Диктатура пролетариата над другими классами, превратившаяся через непродолжительное время в диктатуру над всем народом, требовала слома всей старой машины буржуазной юстиции. За борт "корабля революции" были выброшены старые кадры вместе, естественно, с их традициями (отнюдь не только бюрократическими), юридической культурой и профессионализмом. На смену пришли новые кадры, обладавшие в большой степени только одним качеством - классовым чутьем. В руках этих, как правило, малограмотных и малокультурных людей (поначалу восторженных романтиков и идеалистов ре-

волюции) весы правосудия не могли быть правильными. Такие люди хорошо держали только "карающий меч революции" и легко превращались в заурядных карателей и бюрократов. Тем более, что и поводок новых законов в условиях гражданской войны был слишком слаб для того, чтобы удерживать стражей революционной законности и порядка от варварских поступков. Поэтому и после войны, когда советская власть вполне окрепла и создала прочную правовую базу своего существования, для обвинения и осуждения кого-либо за совершенное преступление достаточно было малейшего подозрения в сочетании с порочным классовым происхождением.

Естественно, взращенный на классовой ненависти, помноженной на низкий уровень культуры и профессионализма, аппарат уголовной юстиции был готов во всех отношениях к участию в массовых репрессиях 30-х годов. К этому времени классовая ненависть разжигалась вполне сознательно. Для оправдания самой себя и исключения проявления какого-либо недовольства со стороны народа сталинская диктатура нуждалась в образе внутреннего врага, который весьма успешно внедрялся в массовое сознание. Печально знаменитая теория усиления классовой борьбы по мере построения социализма оказалась, пожалуй, самой работающей в мире. Уничтожив реальную оппозицию, установив тотальный и политический контроль над обществом путем огосударствления всех сторон его жизни, Сталин теперь и психологически обезоружил народ, лишил его воли к сопротивлению. Дурман ненависти сделал свое дело: отравил сознание народа, уверовавшего в справедливость карающего меча диктатуры пролетариата. А то, что не смогла ненависть, завершили страх и взаимная подозрительность. На долгие годы воля и разум миллионов людей были парализованы. В такой атмосфере вполне закономерно появились циники-следователи, прокуроры, судьи, которые могли сфабриковать уголовное дело, "выбить" нужные показания у обвиняемого, заставить свидетеля давать ложные показания свидетеля.

Время шло, что-то менялось в советском обществе и в системе уголовной юстиции. Что-то, но не суть. Народ, когда-то поверивший во "внутренних врагов", оплакивающий смерть тирана, нетрудно было убедить и в том, что все беды были от сталинского культа личности. Сработала старая вера в злого и доброго царя. Мало кто в народе понимал: диктатура одной партии ведет к диктатуре одного человека. Впрочем, трудно было ожидать чего-либо другого от людей, ли-

шенных политической и общественной жизни, ещё пребывающих в оцепенении от недавнего насилия, страха и ненависти. Тем более, трудно было ожидать такого понимания от нового руководства страны во главе с Хрущевым, мужественно разоблачившим сталинские преступления, но воспитанным с иллюзией, что народное хозяйство, в котором экономические законы подменены директивами, способно развиваться.

Таким образом, все прежние негативные черты социальной системы не замедлили проявиться, хотя и в более мягких, менее одиозных формах, чем раньше. Претерпел изменения образ внутреннего врага. Теперь это был обычный преступник, а не агент иностранных разведок, экономический вредитель или диверсант. Исчез прямолинейный, классово-партийный подход по отношению к конкретным людям, но сохранился по отношению к их производственной деятельности. Частное предпринимательство, коммерческое посредничество, спекуляция преступны не потому, что подрывают государственную экономику, а потому, что они демонстрируют ее неэффективность. Инженер, вопреки закону совмещавший свою основную работу с дополнительной, являлся преступником не потому, что мешал родному предприятию или учреждению выполнять план, а потому, что показывал отсутствие заинтересованности на предприятии в творческом инженерном труде. Директор фабрики, нарушивший закон исходя из хозяйственной целесообразности, вдвойне преступник не из-за траты государственных средств не по инструкции, а потому, что обнаружил несостоятельность директивных методов управления экономикой, а значит к ненужности директивных органов.

Вряд ли это была изощренная, тщательно продуманная политика циничных руководителей. Хотя, безусловно, здесь срабатывал в определенной мере инстинкт самосохранения, самозащиты руководящего бюрократического сословия, которое не могло не ощущать нарастания народного недовольства. Однако, скорее всего, проводилась политика, обусловленная грузом новых и старых идеологических заблуждений, ошибочных решений, а главное, огромной инерции общественного и индивидуального сознания. Не случайно, по данным, приведенным А. Яковлевым (1989), около 40 % граждан нашей страны ратовало за сильную руку в государстве (1).

Талантливые и предприимчивые люди не перевелись еще в нашем обществе. Но почему-то к чувству восхищения такими людьми нередко примешивается зависть; зависть легко переходит в раздражение, а

от последнего до ненависти и насилия рукой подать. Не это ли одна из причин того, что уголовное преследование за реальную хозяйственность и предприимчивость не вызывало особого возмущения в народе в предперестроечный период.

Не вызывали и сейчас не вызывают сколько-нибудь серьезного порицания людей жестокие меры наказания преступников и жестокое отношение к ним в исправительных учреждениях. Психологически такая мстительность вполне объяснима для любого общества, где уровень преступности относительно высок и граждане не чувствуют себя в полной безопасности. Древний обычай "око за око" чрезвычайно живуч, и далеко не все люди способны осознать его порочность. Это касается стран даже с высоким уровнем благосостояния, культуры.

Что же сказать о советском обществе, где насилие было главным средством в политике вообще и в уголовной политике в частности? Жестокость власти, вероятно, способствовала большему жестокосердию людей. Отсюда парадокс последнего предперестроечного десятилетия: творцы советской уголовной политики стали явно осознавать бесперспективность устрашения и возмездия как основных методов борьбы с преступностью, в то время как большинство населения уповало на эти методы, что на фоне растущей преступности закономерно.

Кроме того, очень важна для объяснения причин кризиса уголовной юстиции тесная связь уголовной политики советского государства с его экономической политикой. Объективные потребности функционирования огромного государства при экстенсивном характере производства, отсутствие реальной экономической заинтересованности людей в сочетании с гигантоманией руководителей требовали создания механизма внеэкономического принуждения. Проще всего было создать такой механизм с помощью уголовной репрессии. Далеко не случайно значительное количество исправительно-трудовых учреждений располагалось в Сибири и на Дальнем Востоке, ведь последние являлись главной сырьевой базой страны, а также зоной осуществления гигантских и зачастую экономически неоправданных проектов. Государство не могло стимулировать добровольный переезд в районы Сибири и Дальнего Востока большого количества людей, необходимого для эксплуатации природных богатств. Не могло оно и поднять производительность труда местных жителей. Выход один - использовать труд

заклученных исправительно-тудовых колоний, разместив их в соответствующих регионах. Понятно, что первостепенной задачей содержания в таких колониях всегда было выполнение производственного плана, а не перевоспитание.

Что же должны испытывать заклученные, работающие по принуждению, из-под палки? Чувство благодарности к своим работодателям или, может быть, покаяние? В условиях почти полной незащищенности от произвола администрации и почти полного несоблюдения минимальных стандартных правил обращения с заклученными, принятых ООН еще в 1955 году (касающихся, например, недопустимости подчинения деятельности исправительного учреждения производственным целям, качества пищи, обслуживания заклученных, предоставления им отдельного помещения для сна) (2), таким чувством может быть только ненависть или страх. Любое насилие рождает ответное насилие. Поэтому политика сдерживания и предупреждения преступности в нашей стране стала, по существу, политикой превращения многих людей в закоренелых преступников. Здесь очень показательно то, что в 1988 году 40% ранее судимых совершили преступления вновь, а к концу 1989 года в советских исправительно-тудовых колониях находилось 310 тыс заклученных, имеющих три судимости и более (3).

Таким образом, советская система уголовной юстиции вошла в период перестройки отягощенная тяжелым наследием прошлого, главные элементы которого - ориентация на подавление преступности с помощью методов уголовной репрессии и неспособность к педагогическому воздействию - сохранились до сих пор. Более того, к старому "грузу" противоречий, ошибок, просчетов добавились новые опасности для уже российской уголовной юстиции, вызванные как общей деструкцией системы управления в нашей стране, так и появлением иллюзии, что изменение социально-экономической системы само по себе разрешит проблему преступности или, по крайней мере, существенно повысит эффективность работы правоохранительных органов.

Список литературы:

1. Яковлев А. Мнение о правосудии // Известия. 1989. 23 дек.
2. См.: Крэнстон Морис- Права человека. Документы о правах человека. Париж, 1975. с. 337-371.

3. См. подробнее: Стойко Н. Г. Уголовная юстиция СССР: прошлое и настоящее //Проблемы уголовной политики. Красноярск, 1991 С.175-181.

2. Уголовная юстиция России: основные причины и пути реформирования (советский период перестройки)

Осознание глубины кризисных явлений, поразивших систему уголовной юстиции нашей страны в советское время, вылилось в план коренного реформирования уголовного правосудия как части перестройки правовой системы государства. В общих чертах этот план намечен на XIX Всесоюзной конференции КПСС, обладавшей еще всей полнотой власти в стране. Основными его направлениями были определены повышение роли, авторитета и самостоятельности суда, изменение содержания его деятельности, достижение подлинной независимости судей и подчинения их только закону, что объяснялось особой ролью судов в охране прав и интересов личности, законности, возложением на них большей части социальной ответственности за осуществление данной охранительной задачи и, в конечном счете, за предупреждение преступности, снижение ее уровня.

К сожалению, в то время нельзя было сказать, что суды, равно как и другие органы уголовной юстиции, отвечают своему призванию. Напротив, негативные тенденции в их деятельности продолжали сохраняться. Более того, качество отправления правосудия ухудшилось. В 1986 году по РСФСР были оставлены без изменения приговоры в отношении 85,1 % осужденных, а в 1987 году -79,55%. В 1986 году приговоры Московского областного и всех областных и краевых судов Сибири и Дальнего Востока оставлены без изменения в отношении 80,3% осужденных, в 1987 году - 75,1 % (1). Однако и эта статистика, по-видимому, не отражала истинного положения дел, поскольку существовали еще латентные судебные ошибки. Незаконных и необоснованных приговоров выносилось примерно на 402 больше, чем отменялось вышестоящими инстанциями (по данным анонимного опроса членов Верховных Судов союзных и автономных республик, областных, краевых судов) (2). Не изжиты были случаи необоснованного осуждения невиновных, допускалась предвзятость, волокита, черствость, безразличие по отношению к людям (3).

Отсюда заметное снижение уровня авторитета советского суда того времени. Даже для профессиональных юристов суд не являлся дос-

таточно авторитетным органом. Так, по данным Е. Мартынчика, 100% опрошенных им прокуроров оценивали уровень авторитета суда только как удовлетворительный, а 66 % опрошенных адвокатов считали авторитет суда низким (4).

В чем заключались причины подобного состояния правосудия в нашей стране? В общем виде они названы на XIX Всесоюзной конференции КПСС: "Перестройка особенно отчетливо выявила консерватизм существующей у нас правовой системы, которая в значительной своей части сориентирована пока не на демократические, не на экономические, а на командно-административные методы руководства с их многочисленными запретами и мелочной регламентацией" (5).

Попробуем конкретизировать сказанное применительно к правовой идеологии, психологии, праву и практике правосудия в самом широком контексте деятельности органов уголовной юстиции.

В области правовой идеологии отмечалась декларативность ряда принципов судопроизводства, отрыв некоторых теоретических построений от жизни, односторонность в оценке роли и назначения суда в обществе.

Так, например, явно формальный характер носил принцип выборности судей, фактически назначаемых на должность путем включения в список для голосования кандидатуры, о которой избирателям, практически ничего не было известно. Тем самым извращалась идея суда как демократического института, избираемого народом и ответственного перед народом.

Во многом было оторвано от жизни (как, впрочем, и сейчас) требование (вытекающее из конституционной идеи уважительного отношения к личности) недопустимости отождествления обвиняемого с преступником, ибо реально человек, задержанный по подозрению в совершении преступления, арестованный или даже просто преданный суду, терпит лишения, соизмеримые с уголовным наказанием. Поэтому иллюзорными являются представления о том, что меры процессуального принуждения (главным образом, меры пресечения), применяемые к обвиняемому, имеют особые охранительные процессуальные цели, несопоставимые с целями уголовного наказания. По-видимому, уже давно произошла замена первых последними. Причем указанная иллюзия достигается за счет различия правовых форм (одна из которых - процессуальная - оторвана от реального содержания), скрывающих совпадение названных целей.

Недостаточно были разработаны теоретические представления о роли и назначении суда в обществе. В литературе существовало две крайности в освещении данного вопроса.

Одна состояла в попытке представить суд в виде арбитра, разрешающего правовой спор между государством (уголовным истцом) и обвиняемым (уголовным ответчиком) (6). Здесь игнорировалась не только государственная природа суда (вот почему он не может быть арбитром в указанном отношении) (7), но и отодвигался на задний план потерпевший, место которого заняло государство. Кроме того, появлялось опасное, с точки зрения защиты прав личности впечатление равноправия обвиняемого и представителей органов государства в названном правовом споре (8).

Другая крайность заключалась в постановке перед судом в качестве основной задачи борьбу с преступностью (9). Тем самым, по сути, подчеркивался откровенно репрессивный характер деятельности суда. То обстоятельство, что суды назначают наказания за совершение преступления и таким образом фактически осуществляют уголовную репрессию, отнюдь не указывает на их основную роль. Напротив, это всего лишь следствие выполнения ими другой, действительно основной задачи защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений граждан и обвиняемых в совершении преступлений. При таком подходе понимание суда как органа, в который обращаются за правосудием и потерпевшие, и обвиняемые, не вступит в противоречие с включенностью суда в деятельность по сдерживанию преступности. Ведь гласит народная мудрость: "Суд не на осуд, а на рассуд".

В области правовой психологии давно уже возникли и приобрели опасный размах правовой негативизм (нигилизм) и низкий уровень правопонимания судей и других работников органов уголовной юстиции.

В разные годы различные авторы приходили к выводу о наличии в деятельности уголовной юстиции обвинительного уклона. Предубежденность в оценке доводов обвиняемого, вера в собственную непогрешимость, выдвижение на первый план версии обвинения, отождествление обвинительного заключения с достижением истины по делу - вот далеко не полный перечень проявлений обвинительного уклона, которые отмечались в нашей литературе (10).

Причина здесь в относительной распространенности среди работников суда и других правоохранительных учреждений установки, сог-

ласно которой в борьбе с преступностью все средства хороши. Эта установка (не существующая в чистом виде) означает убеждение в следующем: наша судебная система достаточно совершенна и нуждается лишь в хороших кадрах; нынешняя процедура рассмотрения уголовных дел сложна и содержит ненужные формальности; право на защиту хорошо обеспечено; сферу применения смертной казни не следует ограничивать и т. д. (данные опроса 212 судей, 68 следователей, 64 прокуроров) (11).

Наличие названной установки и возможность ее преемственности в какой-то мере подтверждает проведенный нами в 1989 году анализ мнения студентов-юристов. Им было предложено дать ответ на вопрос, какие задачи судебно-правовой реформы из числа следующих они считают наиболее важными: повышение авторитета суда; укрепление режима законности; борьба с произволом административных и ведомственных органов; обеспечение подлинной независимости судей; изменение способа судебной деятельности; совершенствование работы суда; иная задача.

Подавляющее большинство студентов (70 %) важнейшими посчитали задачи укрепления режима законности и совершенствования работы суда, в то время как изменению способа судебной деятельности и борьбе с произволом административных и ведомственных органов первостепенное значение придало меньшинство (23%).

На ваш взгляд, отсюда следует вывод об определенном недопонимании частью юристов (по меньшей мере, на момент начала судебно-правовой реформы) ее сущности, об опасности сохранения у них старых (от 30-х годов) ценностей.

В области уголовного, уголовно-процессуального, судостроительного и исполнительного (исправительно-трудового) права характерно было закрепление приоритета интересов общества и государства над личными, целей кары над целями ресоциализации, значительный удельный вес лишения свободы среди других видов наказания, отсутствие четкого правового разграничения процессуальных властей, наличие правовых норм, отражающих корпоративные интересы.

Так, УК РСФСР 1960 года в ст. 1 в первую очередь поставил перед уголовным законом и органами, его применяющими, задачу охраны общественного строя, его политической и экономической систем, государственной собственности и только потом личности, прав и свобод граждан (и то лишь в контексте всего правопорядка). В ст. 20 того

же УК определено, что наказание прежде всего кара, а уж потом исправление и перевоспитание. Аналогично сформулировал свои задачи и УПК РСФСР 1980 года, ч. 1 ст. 2 которого не содержит даже намека на какие-либо действия в интересах потерпевшего, открыто выражая карательную направленность деятельности органов уголовной юстиции (раскрытие преступлений, изобличение виновных, справедливое наказание), а ч. 2 закрепляет приоритет охраны общественных интересов от преступных посягательств над охраной личных прав и свобод граждан. Подобные положения содержатся и в Законе "О судостроительстве РСФСР" 1981 года, который фактически в ст. 3 воспроизвел соответствующие уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы применительно к суду. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1970 года также подчеркивает преимущественно карательную направленность мер воздействия на осужденных (ст. 1).

Согласно УПК РСФСР 1960 года власть в уголовном процессе принадлежит следственным, прокурорским и судебным органам. При этом провозглашается их независимость и самостоятельность по отношению друг к другу. Так, ст. 127 УПК РСФСР говорит о том, что "все решения о направлении следствия и производстве следственных действий следователь принимает самостоятельно и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение". Ст. 25 УПК РСФСР гласит: "Свои полномочия в уголовном судопроизводстве прокурор осуществляет независимо от каких бы то ни было органов и должностных лиц, подчиняясь только закону". В ст. 18 УПК РСФСР заявляется, что "при осуществлении правосудия по уголовным делам судьи и народные заседатели независимы и подчиняются только закону".

В то же время на уровне более конкретных правовых предписаний происходит ревизия приведенных выше принципиальных положений. Так, без утверждения прокурором обвинительного заключения уголовное дело не может попасть в суд (ст. 214 УПК РСФСР), то есть, по сути дела, следователь находится в подчинении у прокурора, зависит от него при решении вопросов предварительного расследования. С другой стороны, прокурор, осуществляя процессуальное руководство следствием (ст. 211 УПК РСФСР), фактически формирует свою позицию до суда, в котором по данной причине не способен во многих случаях беспристрастно надзирать за соблюдением прав и свобод граждан.

Что касается суда, то его независимость ставилась под сомнение наличием у исполкомов районов (городских) Советов народных депутатов права временно назначать на должность народного судьи одного

из народных заседателей (ст. 27 Закона о судостроительстве РСФСР 1981 года), правом исполкома областного (краевого) Совета народных депутатов утверждать персональный состав президиума и председателей коллегий соответствующего суда (ст. ст. 32,35 Закона о судостроительстве РСФСР) (12).

В рассматриваемом законодательстве нет никаких правовых гарантий от влияния на суд позиции прокурора и следователя выраженной в обвинительном заключении. Дело в том, что вопрос о передаче обвиняемого суду решает сам суд (ст. 221 УПК РСФСР), оценивая материалы предварительного следствия с точки зрения правдоподобия и таким образом "привязываясь" к содержащимся в них выводам. Если последние к тому же согласуются с его опытом разрешения аналогичных уголовных дел, то вопрос о виновности обвиняемого будет предпринят. В свою очередь, суд обладает такими полномочиями, использование которых может заставить следователя или прокурора изменить принятое ранее решение вопреки их мнению. Речь идет о возвращении дела на дополнительное расследование (ст. 232 УПК РСФСР) (с обязательными для следователя указаниями на те обстоятельства, которые должны быть еще выяснены), о прекращении уголовного дела до его рассмотрения по существу (ст. 234 УПК РСФСР). Ни следователь, ни прокурор не могут рассчитывать на то, что результаты их процессуальной деятельности в любом случае станут рассматривать суд. Иначе говоря, закон в данном отношении словно подталкивает их занять соглашательскую позицию.

Понятно, что при такой взаимозависимости процессуальных властей трудно гарантировать подлинную защиту прав и законных интересов граждан, неприкосновенность личности в уголовном процессе. Положение усугублялось тем, что закон закрепил почти полную зависимость осуществления прав граждан в уголовном процессе от усмотрения того или иного представителя органов власти. Например, приобретение потерпевшим процессуального статуса связано не с его волеизъявлением (предполагающим личную ответственность за решение вступить в дело и активное участие в нем), а с решением следователя или другого должностного лица (ст. 53 УПК РСФСР). Так же обстоит дело и с гражданским истцом (ст. 54 УПК РСФСР).

Общую картину завершает регламентированное законом подчинение адвокатуры органам Министерства юстиции РСФСР. Ст. ст. 32,33,35 Положения об адвокатуре РСФСР 1939 года практически фиксируют проис-

шедшее в нашей стране "огосударствление" адвокатуры, которое органы юстиции устанавливают порядок оплаты юридической помощи, условия оплаты труда адвокатов, дают инструкции по вопросам ее деятельности, приостанавливают действие решений, принятых ее руководящими органами, и т. п.

Конечно, все это на первый взгляд "мелочи", которые можно было бы отнести на счет несовершенства закона. Однако именно из подобных "мелочей" складывается правовая основа для защиты корпоративных интересов и для произвола в отношении граждан (13).

В области практики судебной (и в целом правоохранительной) деятельности наиболее негативными факторами, характерными для рассматриваемого периода, являются беспринципность и конформизм судебных работников, нарушение ими закона.

Происшедшая за годы социального застоя бюрократизация части советского государственного и партийного аппарата не могла не затронуть правоохранительные учреждения, в том числе и органы уголовной юстиции, суд. С одной стороны, это выразилось в бюрократизации их деятельности, в появлении у них своих корпоративных интересов, с другой - в их социально-бюрократической пристрастности, в защите ими интересов привилегированных социальных групп. Органы уголовной всуеи стали работать на показатели, которыми подменили благородные цели правосудия. Естественно, что в таких органах и работники должны быть конформистами, бездумными исполнителями "выместоящей" воли. О таких говорят: "Против закона пойти ему ничего не стоит, против мнения начальства - исключено" (14). От них требуется только одно: послушно следовать выработанной "наверху" линии. Не случайно главным качеством работников органов уголовной юстиции стала исполнительность, ее системы - управляемость, а в результате - полная безответственность за массовые нарушения, законности и неправильную уголовную политику (15).

Что бывает со строптивыми судьями, прокурорами, следователями, известно: их не избирают, отстраняют от должности, преследуют в административном и даже в уголовном порядке (16).

За всем этим стоят командно-административная система управления, неотъемлемой частью которой стали органы УГОЛОВНОЙ юстиции, суд, местнические, ведомственные и эгоистические личные интересы: влиятельных социальных групп и должностных лиц.

Анализ причин кризиса, в котором находилась вся система уголовной юстиции России, позволил определить освоение пути ее реформирования. В области уголовно--правовой идеологии - развитие идей приоритета общечеловеческих ценностей, независимого суда, как одной из ветвей власти правового государства. В области вравовой психология - разработка механизма принятия работниками органов уголовной юстиции ответственности за результаты своих действий. В области права - создание законодательных основ для защиты прав и интересов граждан с помощью органов уголовной юстиции. В области практики - организационное, кадровое, материально-техническое и финансовое обеспечение систем уголовной юстиции (17)-

Список литературы

1. Каламаев Л. Недостатки и ошибки в рассмотрении уголовных дел по первой инстанции // Сов. юстиция. 1988. N 11 С. 10.
2. Петрухин И.Л. О независимости и самостоятельности органов уголовного судопроизводства //Актуальные проблемы советского уголовного процесса. Свердловск, 1987. С 14.
3. О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан: Постановление ЦК КПСС //Правда. 1986. 30 нояб.
4. Мартынич Е. Авторитет советского суда: мнение профессиональных юристов //Сов. юстиция, 1988. N 16. С. 8.
5. Материалы XIX Всесоюзной конференция КПСС. М. , 1988. С 62.
8. Полянский Н. Н. и др. Проблемы судебного права. М. , 1983.
7. Арсеньев В.Д. , Заблоцкий В. Г. О некоторых серьезных недостатках в исследовании проблем советского уголовного судопроизводства //Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам. Красноярск, 1987. С. 6-7.
- 8.. Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса, Л. , 1982. С. 93
9. См. об этом: Мысли о правосудии //Сов. юстиция. 1988. N16. С. 5.
10. См.: Леоненко В. В. Профессиональная этика участников уголовного судопроизводства. Киев, 1981. С.118-121; Лукашевич В. 3. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Л. , 1959; др.

11. Коган В. Судебная реформа: кто за что? //Сов. юстиция. 1988. N 13. С. 21.
12. См.: Конституционные основы правосудия в СССР. М., 1981. С.75,78; др.
13. Коваленко А. О социалистическом правовом государстве //Сов. юстиция. 1988. N 16. С. 2-3.
14. Вохмянин Г. Схватка с беззаконием //Правда. 1987. 14 окт,
15. Коган В. в др. Какой мы видим судебную реформу? //Известия. 1988. 18 окт.
16. См.: Столяров К. Клан: история одного падения //Неделя. 1988. N 39. С. 14-15; др.
17. См.: Кобленков А. Об основных направлениях судебно-правовой реформы //Соц. законность. 1988. N 6. С. 5-8; др.

3. Уголовная юстиция России и необходимость в социально ориентированных реформах (постсоветский период): постановка проблемы.

Распад СССР, утрата КПСС руководящей роли в обществе, слоив советской командно-административной системы управления страной, кардинальные изменения в экономике (признание частной собственности и т. п.) послужили мощным катализатором для реформ в сфере уголовной юстиции России.

Официальной точкой отсчета начала этих реформ можно считать принятие еще Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 года постановления "О концепции судебной реформы в РСФСР". В концепции судебной реформы констатировалось, что система юстиции России, включая уголовную, переживает жесточайший кризис в определяет основные пути изменения деятельности судебных и других правоохранительных органов.

Среди важнейших проявлений кризиса отмечены:

- неспособность юстиции справиться с возложенными на нее обязанностями, низкая эффективность ее усилий;
- невысокое качество работы системы правоохранительных органов при их чрезвычайной перегруженности;

- кадровый голод, "бегство" судей и следователей от тагот и лишений юридической службы, непрестижность последней;

- отсутствие сплоченной и независимой судейской корпорации, имеющей вес в государственной деятельности и сознательно реализующей интерес права;

- утрата работниками правоохранительных органов способности оставаться самостоятельной личностью, ориентация их на функционирование, на исполнение навязанной извне воли;

- нищета юстиции, низкий уровень материально-технического обеспечения ее деятельности и социально-бытовых гарантий для ее служителей;

разлад между обществом в правоохранительными органами, не заслуживающими доверия и не авторитетными в глазах общественного мнения" (1).

Среда основных мер реформирования названы:

- укрепление материальной базы органов юстиции;

- учреждение федеральных и местных судов, восстановление института мировых судей;

- устанoвление судебного контроля за законностью деятельности органов дознания и предварительного следствия по применению ими мер процессуального принуждения (арестов, обысков, задержаний и т.п.);

- изменение отношений участников судопроизводства на основе принципа состязательности;

- ограничение функций прокурора уголовным преследованием и защитой объективного, законного интереса; лишение его односторонних преимуществ перед обвиняемым и защитником;

- улучшение работы адвокатуры и обеспечение ее независимости от органов министерства юстиции, в том числе путем сведения роли и назначения последних к правовому обслуживанию законодательных инициатив;

- возрождение общественных, функций правосудия через введение суда присяжных (2).

Реализация Конвенции судебной реформы 1991 года в сфере уголовной юстиции и в целом осуществлялась в рамках трех главных подходов:

- демократического обновления правовой доктрины и законодательства;

- усиления материально-технического, финансового и кадрового потенциала;
- постепенного комплексного преобразования правовых форм деятельности органов юстиции (технологий, техник) и их носителей (людей, осуществляющих конкретное правоприменение) (3).

Первый подход в отношении системы уголовной юстиции вылился внешне в весьма впечатляющий ряд законодательных нововведений. Практически не осталось ни одного закона, принятого до начала реформы, без изменений и дополнений, соответствующих демократическому духу намеченных преобразований. Вступили в силу новые законы, регламентировавшие организацию и деятельность органов уголовной юстиции.

К числу наиболее серьезных нововведений можно отнести Закон "О статусе судей в Российской Федерации" 1992 года, "О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов" 1995 года, "О прокуратуре Российской Федерации" 1992 года (в редакции 1995 года), "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений" 1995 года, дополнения к УПК Российской Федерации 1992, 1993 и 1996 годов, установившие судебную проверку правильности заключения под стражу, суд присяжных, и другие демократические положения, (ст. ст. 220(1), 220(2), 420-466) и, конечно, УК РФ 1996 года и Закон " О судебной системе Российской Федерации" 1996 года.

Значение этих законодательных актов заключается в том, что они декларируют новую уголовно-правовую доктрину справедливости и гуманизма, создают предпосылки подлинной независимости судей, гарантий их (и других должностных лиц органов уголовной юстиции) безопасности и социальной защиты, способствуют возрождению правосудия и внедрению в практику правовых начал.

Второй подход характеризуется расширением сферы уголовной юстиции (например, передача функций дознания по уголовным делам, налоговой службе, создание налоговой полиции, мировых судов), стремлением органов этой сферы совершенствовать свою деятельность путем роста численности аппарата и количества соответствующих организационных структур, а также "выбиванием" ресурсного обеспечения и т. п.

Значение мер, осуществляемых в рамках этого подхода очевидно: они создают фундамент для правовых преобразований. Если, конечно,

такие меры носят контролируемый характер и не превращаются в самоцель (4).

Третий подход - самый перспективный - выражается во внедрении в практику суда присяжных и судебного контроля за правильностью заключения под стражу и тем самым в создании условий для позитивных качественных изменений в деятельности органов юстиции. Этот подход в наибольшей степени соответствует стратегии реформ и одновременно в наименьшей мере реализован и востребован практикой.

В чем причина такого положения?

В Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года (5) законодатель всерьез заявил о социальном значении действия уголовного права, отражающего общественную потребность:

- в сдерживании преступности, контроле над ней;
- в возмещении убытков (ущерба) от преступлений;
- в предупреждении совершения новых преступлений.

Для удовлетворения этой потребности уголовное право должно быть направлено на достижение трех фундаментальных целей (целевых установок), вытекающих из ст. ст. 2-8, 44 УК РФ 1996 года:

- общественной реакции на преступления;
- обеспечения социальной справедливости;
- урегулирования криминальных конфликтов (6).

В первом случае речь идет о выявлении (определении) преступлений как одной из негативных форм проявления конфликтов между интересами, ценностями и нормами конкретных людей, групп, слоев населения, общества. Здесь уголовное право должно действовать как средство фиксации (и оценки) разрывов, разрушений социальных коопераций различного уровня, пресечения внешнего конфликтного взаимодействия, нейтрализации его деструктивных последствия.

Во втором случае имеется в виду использование закона как эталона, нормативно-определенной "шкалы" ценностей и правил поведения, с помощью которой задают пространство действия уголовного права (границы преступного и не преступного поведения, пределы кары, степень устрашения, затраты, издержки и т. п.) и его функциональное единство применительно к конкретным жизненным ситуациям. Здесь уголовное право в действии должно представлять собой процесс формального функционирования и ценностного ориентирования, в котором внешне отражаются господствующие в обществе представления о справедливости (мере социального согласия) или ценностные ориентации.

В третьем случае уголовное право действует как механизм позитивного разрешения криминальных конфликтов, предполагающий формирование у конфликтующих сторон социально ответственного поведения, отражающего исторически сложившийся характер взаимоотношений между людьми в обществе. Тут уголовное право в действии представляется как процесс реинтеграции (исправления, ресоциализации) преступников и их жертв, восстановления разрушенных, усиления ослабленных социальных коопераций, построения новых социально полезных связей и отношений. Иначе говоря, уголовное право как эталон, социальная ценность, общая мера согласия переводится в индивидуальные планы деятельности. При позиции конкретных людей (преступников и их жертв) согласуются относительно внешне заданного порядка (контекста взаимодействия), социальных ролей, индивидуальных и личностных качеств таким образом, чтобы достичь взаимудовлетворяющего понимания причин и нормативных оснований, оправдывающих соответствующее поведение. В результате происходит осознание, принятие ценности общесоциальной кооперации и вытекающих из нее малых коопераций, необходимости соблюдения прав и обязанностей в обществе и согласованного, совместного, сопоставимого распределения выгод и тягот кооперации между его членами.

Действие уголовного права в соответствии с вышеприведенными установками можно назвать процессом социально-интегративного целевого функционирования уголовного права (7), обеспечивающего удовлетворение общественной потребности в сдерживании преступности, возмещении ущерба от преступлений и предупреждении совершения новых преступлений.

Вместе с тем принципиально важным является то, что социально-интегративные возможности уголовного права задаются не только целевыми установками, но и конкретными средствами и способами их достижения в деятельности органов уголовной юстиции. Если указанные средства и способы не будут соответствовать этим установкам, то и общественная потребность, о которой говорилось выше, окажется неудовлетворенной или недостаточно удовлетворенной. Отвечает ли деятельность органов уголовной юстиции данному условию? Очевидно, нет.

Реальная практика органов уголовной юстиции - это деятельность:

- субъекты осуществления которой не понимают и не осознают цели, поставленные перед ними законодателем;
- где нет целеобразования, а есть лишь ритуал;
- где уголовное право фетишизировано субъектами его применения как эталон, отчуждено от конкретной жизнедеятельности и отрицает само себя как интегрирующий и стабилизирующий фактор;
- где господствует миф об устрашающем воздействии закона;
- где совместная деятельность (совместимость, согласованность индивидуального поведения) правоприменителей и обвиняемых (преступников), потерпевших (жертв) и других субъектов носит не позиционный, а ролевой, чисто формальный характер.

Такая практика по сути своей дважды обесчеловечена. Первый раз ее направленностью на преступление и преступника как на объект деятельности, второй раз - игнорированием в ней жертвы (потерпевшего) преступления как субъекта деятельности. В этой практике совместность задается объектом - преступлением, а не интересами, ценностями и нормами, следовательно, оказывается блокированной возможностью не только позитивного разрежения конфликтов, но и восстановления социальной справедливости. Более того, провоцируются все новые и новые конфликты.

Естественно, что при таких условиях вряд ли реформа уголовной юстиции может быть успешной. В то же время понимание этого позволяет дать общее теоретическое описание модели уголовного правосудия, ориентированной на позитивное разрешение конфликтов интересов, ценностей, норм, а затем на основе данной модели осуществить поиск конкретных реформаторских мер и переход к социальноориентированной, ценностной практике органов юстиции.

Примечания и список литературы

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации /Сост. С.А. Панин М., 1992. С 16
2. См.: Панин С.А. Судебная реформа и суд присяжных. М., 1995. с. 21; др.
3. Характеристику судебно-правовой реформы с точки зрения указанных подходов см. подробнее: Панин С.А. Судебная реформа и суд присяжных. М., 1995. с. 22-30; он же. Судебная реформа в России: замысел и реализация. Механизмы реформы и контрреформы //Судебная реформа: проблемы анализа и освещения. М., 1996. С.40-67.

4. О негативной стороже ведомственной активности органов юстиции см.: Панин С. А. Судебная реформа в суд присяжных- М. , 1995. С 24-29.
5. Характеристику УК РФ 1996 года см.: Новое уголовное право России. Общая часть. М. , 1996.
6. О понятии конфликта (в том числе криминального), его раз-
режении см. подробнее: Хасан Б. И. Психотехника конфликта.
Красноярск, 1995; Юридическая конфликтология. М. , 1995; др.
7. Характеристику социального назначения уголовного права
см. , например: Усс А. В. Социально-интегративная роль уголов-
ного права. Красноярск, 1993.

4. Уголовная юстиция РОССИИ: личносно ориентированная модель и выход из кризиса.

Итак, концепция судебной реформы в российской федерации 1991 года, УК РФ 1996 года ориентируют на создание в нашей стране личносно ориентированной модели уголовной юстиции. Совершенно оче-
видно, что переход к ней, с учетом современного состояния практи-
ки, труден, требует значительных усилий и времени. В этой связи
тем более необходимо дать теоретическое описание указанной модели
и таким образом наметить пути выхода из кризиса.

Уголовное правосудие и процесс в целом, в рамках которого в
наибольшей мере реализуется уголовное право,представляет собой
сложную полицелевую и полипроцессуальную деятельность органов
предварительного расследования, прокуратуы и суда. Понимать её
нужно с точки зрения соответствия идее личносно-ориентированной
модели через активное отношение представителей указанных органов
к "окружающей их практике" целесообразно изменяемой и развиваемой
ими. Осуществляться она будет в соответствии с их личной позицией
(реальным самоопределением, обусловливаемым воспитанием), целевой
функцией (ролью и социальным назначением, определяемым законом) и
жизненной ситуацией.

От первой зависит идеологическое, политическое и нравственное
содержание правосудия и всей уголовно-процессуальной деятельности,
от второй - движение уголовного дела (формальное функционирова-
ние), от последней - особенности конкретного судопроизводства.

С учетом сказанного уголовный процесс можно интерпретировать как деятельность, направленную на достижение нравственно-психологических, правовых и познавательных целей. На наш взгляд, речь идет о трех группах задач (целей), сформулированных в ст. 2 УПК РФ:

- 1) быстрое и полное раскрытие преступления, изобличение всех виновных в его совершении (познавательные);
- 2) обеспечение правильного применения закона (правовые);
- 3) соблюдение того, чтобы каждый виновный был подвергнут справедливому наказанию с точки зрения как возмездия, кары, так и исправления и перевоспитания (нравственно-психологические).

Согласно первой группе целей уголовное судопроизводство есть познавательно-практическая деятельность, имеющая своим объектом преступление (т.е. часть объективного мира, выделенную практикой). Это опосредствованный объект, который в деятельности соответствующего субъекта может быть представлен только идеально, так как реально он для данного субъекта всегда в прошлом. В настоящем же есть круг только непосредственных объектов, образующих предметную область, где субъект реализует свои цели с помощью имеющихся средств. Это реальный предмет познания в уголовном процессе. Особенность его в том, что он всегда находится в правовой рамке, которая накладывается на "непосредственные" объекты при совершении предусмотренных законом действий. Через правовую рамку реальный предмет связан с идеальным как с опосредованным отражением самого себя.

В соответствии со второй группой целей уголовное судопроизводство представляет собой правоприменительный процесс (т.е. применение норм права уголовного и уголовно-процессуального в первую очередь). Причем данный процесс должен, по нашему мнению, рассматриваться не только как подведение под норму права конкретной жизненной ситуации, но и как использование правовых норм в подобных ситуациях в качестве функциональных средств организации деятельности. Речь идет об организации судопроизводства в систему как в формально определенную правом последовательность и взаимосвязь процессуальных действий. В этом смысле такие действия будут образовывать процесс целевого функционирования, в котором внешне отражится определяемая законом роль и назначение лица, представляющего государственный орган, что ведет борьбу с преступностью.

По логике законодателя (ст. 2 УПК РСФСР) выполнение первой и второе групп задач необходимо для того, чтобы обеспечить неотвратимость уголовной ответственности, справедливость наказания, понимаемого нами с позиции новой уголовно-правовой доктрины скорее в смысле исправления, нежели кары. Следовательно, третья группа задач является главенствующей (генеральной), которой подчинены все остальные.

С точки зрения нравственно-психологических целей каждое действие конкретного должностного лица в уголовном процессе должно осознаваться им как общественно значимое, т. е. выражать его личную позицию, быть поступком. В данном смысле судопроизводство - нравственный процесс, отражающий реальное самоопределение должностного лица, которое обусловлено его воспитанием. Обращенный к себе (в плане личной ответственности как осознание, переживание) этот процесс приобретает характер формирования внутреннего убеждения, перерастания сомнений в уверенность, выражения личностной позиции (1,2). Обращенный во вне (в плане возложения ответственности) - характер убеждения другого лица, т. е. склонения его к определенному мнению (3), к осознанию, переживанию им своих действий как социально полезных в одном случае и (или) социально вредных - в другой. Особенность ответственности здесь - ее правовая форма: уголовно-процессуальная (если речь идет об осознании необходимости и полезности следования уголовно-процессуальным нормам) или уголовно-правовая (если речь идет об осознании необходимости и полезности выполнения уголовно-правовых норм).

Сказанное, однако, не означает, что мы сводим содержание ответственности к субъективным моментам, как это сделал, например, В. Г. Смирнов (4). Внешне уголовная ответственность будет проявляться в правопослушном, правомерном поведении, соответствующем уголовно-правовым нормам (объективная сторона ответственности) (5,6), но определяться будет все же сферой сознания. На это правильно указывает С. С. Алексеев, имея в виду ответственность в широко позитивном смысле (7). Ведь понятие ответственности в философско—социологическом плане отражает "объективный, исторически конкретный характер взаимоотношений между личностью, коллективом, обществом с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним требований" (8). Причем речь идет о сознательном выполнении пре-

дусмотренных уголовно-правовыми нормами требований, выполнении, основанном на установках, ценностях, стремлениях и т. п. личности быть полезной обществу, служить интересам последнего (субъективная сторона ответственности).

Таким образом, уголовная ответственность может быть рассмотрена как позиция (реальное самоопределение) личности, являющаяся, с одной стороны результатом воспитания (в том числе правового), а с другой стороны, результатом правоприменительной деятельности государства (9). В таком смысле выделение двух аспектов уголовной ответственности - ретроспективной (негативной) и проспективной (позитивной) - будет весьма условным, поскольку они характеризуют не столько явления, сколько основания и механизм его возникновения. В первом случае мы говорим о сопровождающемся негативной оценкой за прошлое механизме перевоспитания, исправления личности с антисоциальными установками, ценностями и т. д., которые выражаются в отклоняющемся от общественных требований поведении. Во-втором - о сопровождавшемся позитивной оценкой за настоящее и будущее механизме становления личности, у которой еще только формируются или закрепляются социально полезные установки, ценности, привычки и т. п., что отражается в правопослушном в целом поведении. В обоих случаях общество должно определенным образом реагировать на поведение соответствующих лиц, прекращая, пресекая или поощряя их через систему внешних требований и воздействий, пока эти требования не будут восприняты и не станут внутренней основой мотивации уже ответственного поведения конкретного лица (не из боязни наказания и не по принуждению).

Иначе говоря, возложению ответственности должно корреспондировать принятие ответственности. Тогда само общество действительно поступает ответственно, т. е. берет на себя, на свои органы уголовной юстиции социальную ответственность за ее успешное осуществление, что требует постоянного развития этих органов.

Понятно, что социальная ответственность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда (и индивидуальная ответственность их представителей) и индивидуальная ответственность лица, совершившего преступление, не могут отождествляться, так как относятся к разным лицам, занимающим разное общественное и правовое положение, имеют различную правовую форму, особенности внутреннего и внешнего выражения. Первая - форму уголовно-процессуаль-

ной ответственности (в ее индивидуальном и социальном выражении) дознавателя, следователя, прокурора, судьи, предполагающей изменение их собственной деятельности с целью изменения деятельности лица, совершившего преступление, и предупреждения отклоняющегося поведения правопослушных лиц. Вторая - форму уголовной ответственности осужденного или правопослушного лица, предполагающей изменение только его собственной деятельности. Что касается очевидной связи между указанными видами ответственности, то ее наличие само по себе не дает нам права смешивать их. Поэтому нам представляется не совсем точным мнением В. С Прохорова, характеризующего ответственность, "с одной стороны, как позицию личности, выполняющую требования общества, а с другой - как реакцию общества на поведение, отклоняющееся от общественных требований" (10).

Ответственность совершившего преступление лица, - возникающая в ходе и в результате уголовного процесса, всегда ответственность за прошлое. Ее неотвратимость обеспечивается прежде всего установлением (определением) реального отношения соответствующего лица к совершенному им и инкриминируемому ему деянию. Это отношение, в самом широком контексте установок, ценностей, чувств, привычек и т. п. названного лица, по нашему мнению, есть виновное отношение, виновность в ее нравственно-психологическом выражении. Содержание реальной вины (виновности) в данном аспекте будет значительно шире реальной вины в уголовно правовом смысле (как психического отношения к содеянному). Последняя рассматривается лишь в контексте преступного поведения (внешне наблюдаемой системы действий), по которому судят о преступных намерениях определенного лица, об осознании им своих действий в форме умысла или неосторожности (11).

Поэтому для выявления вины в уголовно-правовом смысле достаточно распознавания конкретной жизненной ситуации и подведения ее под соответствующую норму уголовного права. В то же время для выявления вины в нравственно-психологическом смысле необходимо еще специальное изучение индивидуальных и личностных качеств лица, совершившего преступление. Лишь на этой основе возможен переход к уголовной ответственности. Ответственность в смысле изменения внутреннего плана деятельности (осознания и переживания содеянного как социально вредного) не возникает сама по себе. Требуется механизм возложения ответственности, вызывающий указанные изменения, означает принятие обвиняемым на себя ответственности.

В известном смысле таким механизмом выступает все уголовное судопроизводство в целом как социальная система, лишь в той мере противодействующая преступности, преодолевающая (а не включающая в ее воспроизводство), в какой сама дает (воспроизводит) образцы высокой культуры, нравственности, ответственного поведения.

Если это так, то конкретному должностному лицу - представителю указанной системы - нужно иметь определенную позицию. По существу речь идет о самоопределении, в общем виде включающем в себя:

- 1) понимание законодательного и теоретического описания производства по уголовному делу;
- 2) отношение к этому производству как к правовой рамке (средству), используемой в жизненных ситуациях;
- 3) отождествление себя с социальной системой.

Человек, занимающий данную позицию, в самом широком плане должен уметь творить добро, чтобы кара, возмездие за преступление явились второстепенными (или даже третьестепенными), подчиненными установке на исправление или перевоспитание, т. е. на возложение ответственности.

По содержанию деятельность такого человека должна представлять собой исследование не обстоятельств совершенных преступлений, а жизненных ситуаций с точки зрения распознавания в них преступлений и изучения индивидуальных и личностных качеств граждан, совершивших преступления. По форме - решение конфликтов. Под конфликтом мы понимаем способ существования противоречия, вызванного совершением преступления (12,13), под решением конфликта в жизненной ситуации - исчерпание противоречия в результате волеизъявления и к взаимному удовлетворению сторон (14).

Разумеется, указанное противоречие проявляется в уголовно-процессуальной деятельности опосредствованно (хотя и непосредственно определяет ее характер), через реконструируемую жизненную ситуацию. Причем, как правило, полностью при производстве по уголовному делу не исчерпывается. Однако проявляющиеся в этой связи конфликты не становятся менее острыми и разрушительными, имея преимущественно деструктивный характер. Отсюда возникает задача предотвращения или противодействия такого типа конфликтам.

Традиционный путь - демонстрация образцов ответственного поведения в ходе процессуальных действий, а также использование мер процессуального принуждения (или угрозы их применения). Более эф-

фективным, по нашему мнению, в данном отношении и с точки зрения реализации обозначенной выше позиции будет организация содержательного конфликта. Такой конфликт предполагает соответствие между ценностью процессуальной формы (как правовой рамки) для получения значимого результата в уголовном судопроизводстве и реальной потребностью в её использовании для получения аналогичного результата в конкретном деле.

Конфликт может быть построен, например, на столкновении деятельности по распознаванию преступлений в жизненных ситуациях и изучению индивидуальных и личностных особенностей обвиняемого. Выражаться он может в различиях и взаимосвязи нравственно-правовой (с точки зрения возмездия, кары) и нравственно-психологической (с точки зрения исправления, перевоспитания) оценках содеянного и содеявшего. Складываться - в условиях конкретных ситуаций производства по уголовному делу на основе и в процессе убеждения в существовании тех или иных фактов. То есть по сути дела речь идет о состязательном построении уголовного правосудия и процесса в целом, проявляемом в подобном столкновении (15).

Сторонами подобного столкновения могут быть любые лица, имеющие заинтересованность в исходе дела, но обязательно преступник (обвиняемый) и его жертва (потерпевший). При этом в качестве дополнительных необходимых условий разворачивания (построения) позитивного конфликта должны выступать:

- признание активной роли потерпевшего в разрешении конфликта представителями органов уголовной юстиции;
- принятие потерпевшим (наряду с обвиняемым) ответственности за разрешение конфликта на себя;
- вовлечение (по возможности) ближайшего социального окружения (родственников, друзей и т. п.) обвиняемых и потерпевших в конфликтное взаимодействие последних.

Кроме того, перед органами уголовной юстиции (прежде всего судом), на которых следует возложить обязанность по организации содержательного конфликта, должны быть поставлены следующие специальные задачи с точки зрения организации и разрешения конфликта:

- исследование ближайшего социального окружения обвиняемых и потерпевших;
- предупреждение повторной виктимизации потерпевших;
- реинтеграция обвиняемых и потерпевших в общество.

Особенно важна личная ответственность организатора за развитие ситуации по делу и , таким образом, изменение им своей собственной деятельности с целью изменения деятельности сторон. Только тогда возникнут условия для перехода обвиняемого и потерпевшего от ролевого участия в деле (формального функционирования) к позитивному (с раскрытием установок, ценностей и т. п.) и, в конечном счете, для принятия ими на себя ответственности за разрешение конфликта.

Разумеется, это весьма общее изложение основных черт личностно ориентированной модели практики органов уголовной юстиции. Тем не менее оно позволяет осуществить выбор пути дальнейшего реформирования деятельности указанных органов: создание процессуально-правовых , социально-организационных и нравственно-психологических предпосылок для содержательного разрешения криминальных конфликтов.

Список литературы

1. Бохан В. Ф. Формирование убеждения суда. Минск, 1973. С 25.
2. Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975. С. 33.
3. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М. , 1973. С. 289.
4. Смирнов В. Г. Уголовная ответственность и наказание //Правоведение. 1963. N 4. С. 79.
5. Курс советского уголовного права. Л. , 1981. Т. 5. С. 515.
6. Тарбагаев А. Н. Понятие и цели уголовной ответственности, Красноярск, 1986. С. 22,29.
7. Алексеев С. С. Общая теория права М. , 1981. Т. 1. С. 204,277.
8. Философский энциклопедический словарь. М. , 1983. С 468.
9. Даев 8. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л. , 1982. С 37.
10. Курс советского уголовного права. Л. , 1981. Т. 5. С 512
11. Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. М. , 1970. Т. 2. С. 260,265.
12. Басев О. Я. Конфликты в деятельности следователя Вопросы теории. Воронеж, 1981. С 43.
13. Хасан Б. И. О понятийной схеме и особенностях конфликта в

деятельности по расследованию преступлений //Проблемы психологии следственной деятельности. Красноярск, 1986. С 48.

14. Там же. 54-55.

15. Барабаш А. С. Помренин К. Г. Состязательность, ее роль в установлении виновности обвиняемого //Проблемы доказывания виновности в уголовном процессе. Красноярск, 1989. С. 40-53; Стойко Н. Г. Обеспечение неотвратимости уголовной ответственности и установление виновности лица, совершившего преступление // Там же. С 32-39.

5. Вместо послесловия. Уголовная юстиция России: план реформирования в контексте социальной работы

Итак, опыт реформирования российской уголовной юстиции показал, что формально-правовой (совершенствование законодательства с позиции новой уголовной доктрины) и формально-организационный (укрепление материально-технической, финансовой, кадровой и т.п. основы деятельности соответствующих органов) подходы сами по себе не способны изменить сложившуюся практику. Поэтому следует планировать и постепенно, поэтапно, пошагово осуществлять мероприятия, создающие не только непосредственно в сфере уголовной юстиции, но и в самом обществе условия для реального взаимодействия преступника и жертвы. С этой точки зрения наиболее перспективным представляется план реформ, основанный на социальной работе с людьми, вовлеченными в криминальный конфликт.

В нашей стране социальная работа как особый вид профессиональной деятельности, направленной на разрешение личностно и социально обусловленных проблем, находится в стадии формирования (1). Тем не менее уже организованные институты социальной работы (ведомства, социальные службы) обладают определенным потенциалом, который мог бы быть использован для раскрытия социально-интегративной функции уголовного права.

Некоторый оптимизм в данном отношении внушает опыт аналогичных реформ западных стран (2), с учетом которых и будет построено дальнейшее изложение.

Первый шаг в движении уголовной юстиции в сторону социальной работы должен состоять в поощрении активности потерпевшего, который в уголовном процессе лишен возможности не только фактически, но и юридически наравне с обвиняемым влиять на приговор суда. Потерпевшему от преступления следует предоставить:

- большие права по возбуждению уголовных дел (т. е. расширить категорию уголовных дел, подлежащих рассмотрению в порядке частного обвинения);

- право на компенсацию от обвиняемого путем заглаживания вреда и право на примирение с ним, учитываемые уголовным законом либо как обстоятельство, смягчающее наказание, (ст. 62 УК РФ 1996 года), либо как основание освобождения обвиняемого от уголовной ответственности (ст. ст. 76,77 УК РФ 1996 года);

- безусловное право вступления Б процесс в качестве гражданского истца независимо от усмотрения должностных лиц органов уголовной юстиции;

- неограниченное право участвовать в судебных прениях либо в форме заявлений, либо судебных речей (разумеется, при наличии аналогичного права у обвиняемого) (3).

Второй шаг должен быть сделан вне рамок уголовной юстиции и заключаться в развитии существующих и инициировании новых форм оказания социальной помощи и поддержки жертвам преступлений.

Значение этого шага состоит в том, что он позволит защищать интересы потерпевших независимо от того, возбуждено ли уголовное дело, задержан ли преступник, может ли он компенсировать причиненный вред (4). Причем принципиально важным является законодательное признание такого права у всех потерпевших от преступлений с возложением обязанности на определенные органы государства (например, органы социального обслуживания) помочь хертве криминального конфликта справиться с последствиями преступления или самим преступлением (в случаях, когда социальные службы не обязаны будут сделать официальное сообщение под угрозой уголовной ответственности). Очевидно, что социальные службы поддержки потерпевших не должны иметь разноведомственную принадлежность. Идеальный вариант - единая федеральная служба социальной помощи жертвам преступлений или аналогичная структура в рамках Министерства труда и социального развития РФ. Понятно также, что задачи подобной структуры не могут ограничиваться лишь оказанием всесторонней социальной, пе-

дагогической, психологической, медико-социальной и иной поддержки. Конечная цель - обеспечение потерпевшему возможности участвовать в разрешении его конфликта с преступником.

Соответственно и обвиняемым в совершении преступления не может быть отказано в праве на социальную помощь. Ответственность за организацию такой помощи должны взять на себя как сами органы уголовной юстиции (в штаты которых следует ввести должности социальных работников, социальных педагогов, психологов и т. п.), так и социальные службы. Причем некоторым социальным службам, специализирующимся, например, на работе с несовершеннолетними и молодежью группы риска, женщинами, следовало бы дать право и возложить юридическую обязанность участвовать в уголовном деле путем исследования индивидуальных и личностных качеств своих клиентов, их ближайшего социального окружения с точки зрения целесообразности применений к ним задержания, заключения под стражу и конкретной меры наказания. В настоящее время эта обязанность есть только у органов уголовной юстиции и исполняется довольно формально в силу разных причин, о которых говорилось выше. Существующая же процессуальная возможность привлечения представителей социальных служб в качестве специалистов по уголовному делу практически не используется.

Третий шаг в реформировании уголовной юстиции в контексте социальной работы связан с необходимостью, вытекающей из современного уголовного права (о чем говорилось выше), участия социальных служб или специальных подразделений правоохранительных органов контрольно-профилактической направленности (например, органов уголовно-исполнительной системы) в примирении между обвиняемым и потерпевшим в качестве посредников, этот шаг представляется более сложным, но реальным. Он требует обучения сотрудников названных учреждений специальным посредническим технологиям и техникам. Однако, несомненно, затраты на обучение будут оправданны, поскольку в результате преступник и его жертва получают возможность участвовать в выработке взаимоприемлемого для них решения, потерпевший сможет понять мотивы преступника, оценить обстоятельства, толкнувшие его на преступление, примириться с ним и таким образом восстановить нарушенное эмоциональное равновесие (5). Кроме того, органы уголовной юстиции и социальные службы станут серьезно относиться к психологическому вреду, испытанному потерпевшим, к проблемам его и (обвиняемого) реинтеграции в общество.

Отсюда вытекает следующий, четвертый шаг реформирования уголовной юстиции (основанный на криминологических теориях реинтеграционного порицания преступников, ннтеракционизма, обучения и контроля) (6), который заключается в возрождении идеи общественного правосудия в нашей стране. Речь идет о построении модели такой практики, где , с одной стороны, демонстрируется порицание того, что совершил преступник, а с другой - поддерживаются отношения уважения к нему как к человеку, создаются условия для его поощрения (7). Для этого следует по некоторым категориям уголовных дел (о малозначительных преступлениях, например):

- изменить процессуально-правовой статус потерпевших и обвиняемых, предоставив им полномочия субъектов, ведущих уголовный процесс (в определенной мере);

- делегировать властные полномочия суда по разрешению этих дел представителям общественности (товарищеским или соседским судам);

- приглашать на заседания таких судов родных, друзей, знакомых, поддерживающих как обвиняемого, так и потерпевшего, вовлекая их в процесс обсуждения и выработки решения;

- управомочить и поощрять обвиняемого по таким делам и близких ему лиц на формулирование и согласование плана действий по урегулированию конфликта с другими участниками заседания общественного суда и органами уголовной юстиции;

- оставить контроль за исполнением выработанных планов на органах уголовной юстиции.

Осуществление рассмотренных здесь шагов реформирования уголовной юстиции в контексте социальной работы потребует немалых усилий и затрат. Однако уже в результате первых двух шагов может произойти переход от однонаправленной модели уголовной юстиции (бесчеловечной) к ценностно ориентированной, признающей человеческую ценность обвиняемых и потерпевших, хотя и "продавливающей" ее силой государственного принуждения. В результате последующих двух шагов начнется реальное движение к личносно ориентированной модели, от формального функционирования к позитивному разрешению криминальных конфликтов.

Примечания и список литературы

1. О понятии» социальной работы см. подробнее гл. I данного пособия.
2. См. об этом: Стойко Н. Г. , Попов А. Н. Конфликт норм и целей уголовно-процессуальной деятельности в России: актуальность поиска новой модели уголовного процесса // Бюл. клуба конфликтологов. Вып. 4. Красноярск, 1995. С 98-105.
3. Зарубежный опыт см.: Erez E. Vietim Participation in Sentencing: And the Debate Goes on. .. // International Review o Victimology. N 3. 1994. С. 17-28.
4. См. об этом, например: Rock P. Helping Victins of Crime. Oxford, 1994. P. 113.
5. О национальных схемах примирения потерпевших и обвиняемых в западных странах см, например: Cavadino M., Dignan J. Towards a Framework for conceptualisindg and evaluating victim-oriented models of criminal justice. Center for Criminological and Legal Research. Sheffield, 1995. P-22.
6. См. об этом: Усс А. В. Социально-интегративная роль уголовного права. Красноярск, 1993. С. 74-79; Шнайдер Г. И. КриминоЛОГИЯ. М., 1994. С. 390-391; др.
7. См. подробнее: Cavadino M., Dignan J. Указ. соч. P. 23-30.

Уголовная юстиция России в развитии
Научное издание

Стойко Николай Геннадьевич

Лицензия ЛР N 020372 от 29.01.97

Подписано в печать 16.01.87

Бумага тип.

Усл. печ. л. 2,1

Тираж 300 экз. Заказ

Формат 60x84/16

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 2,3

Цена договорная

Редакционно-издательский центр Красноярского
государственного университета

660041 Красноярск, пр. Свободный, 79.